

О цикле Незримого

Повести Э.-Э. Шмитта, публикуемые в этой книге, входят в цикл Незримого – серию произведений, сюжетно не связанных друг с другом, но посвященных поискам смысла жизни. В каждом из них герой сталкивается с одним из ключевых моментов существования – смертью, разлукой, болезнью, войной – и обретает в этой ситуации силы идти вперед. Встреча с очередной проблемой – это одновременно встреча с духовностью.

Так, в повести «Миларепа», с которой и начался цикл, рассказывается о тибетском буддизме. В повести «Мсье Ибрагим и цветы Корана» – об исламе, вернее, об одном из его течений – суфизме. В «Оскаре и Розовой Даме» говорится о христианстве, а в «Детях Ноя» – об иудаизме. «Борец сумо, который никак не мог потолстеть» повествует о дзен буддизме. «Десять детей, которых никогда не было

О ЦИКЛЕ НЕЗРИМОГО

у госпожи Минг»¹ — это история конфуцианства. «Мадам Пьлинска и тайна Шопена» посвящена музыке. И наконец, «Феликс и Незримый источник» знакомит нас с тайнами анимизма.

Эрик-Эмманюэль Шмитт относится с подлинным гуманизмом к духовным исканиям человека, считая их прежде всего сокровищами мудрости и поэзии, помогающими жить.

¹ Эти повести напечатаны в сборнике: *Шмитт Э.-Э. Оскар и Розовая Дама*. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018.

**ФЕЛИКС
И НЕЗРИМЫЙ
ИСТОЧНИК**

Тот, кто смотрит зорко,
в конце концов увидит.

Африканская пословица

1

— Ты не замечаешь, что твоя мать мертва?

И дядя указал на Маму, стоящую у раковины, — высокую, статную, но какую-то землисто-бледную; она только что кончила вытирать посуду, поставив последнюю тарелку на стопку остальных.

— Мертва? — прошептал я.

— Мертва!

Дядя повторил это слово своим замогильным голосом так резко, что оно заполнило всю кухню, тяжело заметалось по ней, словно ворон, слепо натываясь на мебель, отражаясь от стен, ударяясь в потолок, и наконец вылетело в окно, чтобы напугать соседей; его хриплый, гнусавый, пронзительный звук рассыпался во дворе осколками эхо.

А здесь, под качавшейся лампочкой, опять воцарилось молчание.

Мрачное дядино карканье ничуть не взволновало Маму — теперь она сосредоточенно пересчитывала блюдца. Я закусил губу при мысли, что ее обуял очередной приступ этой новой мании — счета: в последнее время, стоило Маме заняться инвентаризацией вещей, она могла это делать часами.

— Мертва, мой мальчик, мертва. Твоя мать уже ни на что не реагирует.

— Но она же двигается!

— Тебя сбивает с толку такой пустяк. Но я-то разбираюсь в покойниках, — сколько уж я их навидался у нас!

— Где это — у нас?

— В деревне.

— Ты хочешь сказать — у тебя дома! А для меня и Мамы «у нас» значит «здесь»!

— В этом вашем Дурвиле?

— В нашем Бельвиле! Мы с ней живем в Бельвиле!¹ — выкрикнул я.

Мне было невыносимо слышать, как дядя хает то, что для меня лично составляло предмет гордости, — Париж, этот спрут, чьим щупальцем я себя чувствовал, Париж, столицу Франции, Париж, с его проспектами и окружным шоссе, с его бензиновой вонью и пробками, с его демонстрация-

¹ *Бельвиль* — Двадцатый округ Парижа, на северо-востоке города, населенный преимущественно иммигрантами. Здесь игра слов: фр. Belleville — букв.: Прекрасный город. (Здесь и далее примеч. перев.)

ФЕЛИКС И НЕЗРИМЫЙ ИСТОЧНИК

ми, полицейскими и забастовками, с его Елисейским дворцом, школами и лицеями, с его автомобилями, которые вечно лаются друг с другом, и собаками, которые ни с кем уже не лаются, с его коварными велосипедами, шикарными улицами и пепельно-серыми крышами, где ютятся голуби, с его блестящими мостовыми, истоптанным асфальтом, шумными магазинами и круглосуточными бакалеями, с пастями его метро и зловонными водостоками, с его серебристо-ртутной дымкой после дождя, с его сумерками, розоватыми от пыли, и оранжевыми мандаринами фонарей, с его праздными гуляками, обжорами, клошарами и пьянчугами. А уж что касается Эйфелевой башни, нашей безмятежной великанши, нашей стальной покровительницы, то любой, кто отнесся бы к ней без должного пиетета, был достоин в моих глазах вечного презрения. Однако дядя лишь пожал плечами и продолжил:

— Твоя мать родилась не здесь, она появилась на свет в буше. О, как мне нравится это выражение — «появиться на свет»! Оно так подходит для Фату — недаром же она выскользнула из чрева своей матери в одно жаркое воскресное утро. Я хорошо помню, как вспотел тогда — хоть выжимай. Ну а ты — ты в котором часу родился?

— В полпервого ночи.

— Вот видишь, так я и думал: ты появился не на свет, ты увидел тьму.

И он почесал подбородок.

— Где же это произошло?

— В больнице.

— В больнице! О господи, в больнице, — как будто твоя мать была при смерти... Как будто беременность — это болезнь... Медсестры и врачи — вот что ты увидел в первый миг, какая жалость! Бедняжка Феликс, я прямо и не знаю, способен ли ты понять, что творится с твоей матерью.

Как я ни крепился, на глазах у меня закипели слезы и я пришел в ярость. Довольно! Пора покончить с этой недостойной слабостью! Быть двенадцатилетним мальчишкой и без того тяжело, не хватало мне еще разнюниться и тем самым усугубить ситуацию, показав себя плаксивым младенцем... Злость помогла мне сдержать слезы и объявить:

— Я обожаю Маму!

Дядя положил руку мне на темя; я испугался, что эта тяжелая длань сплющит мне мозг, но нет: потная ладонь и узловатые суставы вселили в меня странное спокойствие.

— Я в этом уверен, мой мальчик. Но любить не значит понимать. Осознаешь ли ты, что твоя мать просто погибает?

— Конечно осознаю, дядя! Поэтому я и написал тебе, умоляя приехать из Сенегала.

— Прекрасно. Тогда давай поговорим как мужчина с женщиной.

ФЕЛИКС И НЕЗРИМЫЙ ИСТОЧНИК

Он уселся на стул верхом, задом наперед, и пристально взглянул на меня.

— Что тебе сказал врач?

— Что у нее депрессия.

Дядюшка Бамба вытаращил глаза и воскликнул:

— Это еще что за штука — депрессия? У нас в Африке о такой и не слыхивали.

— Это болезнь уныния. Доктора называют депрессией такое состояние, когда человек внезапно становится более подавленным, чем прежде, хотя до этого ничего не случилось; он теряет силы, опускает руки, усталость не дает ему жить активно.

— И какое же лечение предлагают врачи?

— Антидепрессанты.

— Это помогает?

— Сам видишь.

И мы взглянули на Маму, которая села на табурет — вернее, упала на него, словно марионетка, брошенная кукловодом: обмякшее тело, поникшие плечи, бессильно свисающие руки, нелепо расставленные ноги, безвольно поникшая голова. Былая энергия уже не соединяла и не поддерживала эти части прежней Мамы.

Дядюшка Бамба продолжал вполголоса:

— Ошибка в диагнозе. Лично я утверждаю, что Мама мертва. Ты живешь с зомби твоей матери...

— Замолчи!

— ...и я тебе сейчас это докажу. Что отличает мертвого человека? Во-первых, он больше ничего не слышит.

Тут дядя грохнул кулаком по столу, но Мама и глазом не моргнула.

— Вот видишь: твоя мать глуха как тетеря.

— А может, у нее проблемы со слухом...

— Во-вторых, мертвец больше ничего не видит, даже с открытыми глазами. И в-третьих, у него пустой взгляд.

Тут я поневоле согласился: глаза Мама, остекленевшие, как у рыбы на прилавке, ровно ничего не выражали — ни дать ни взять макрель в лотке со льдом.

— В-четвертых, кожа мертвецов меняет цвет.

И дядя ткнул пальцем в свою младшую сестру, указывая на ее лицо цвета потухшего очага — пепельно-сероватое, нет, даже зеленоватое, — и это у Мама, с ее прежде лоснящейся шоколадной кожей! Дядя скорбно вздохнул:

— В-пятых, мертвец не обращает никакого внимания на окружающих. Самые страшные эгоисты — это мертвецы, их уже ничто не волнует. Вот признайся: твоя мать заботится о тебе?

Побледнев, я выпалил:

— Ну... она готовит еду, убирает квартиру...

— Чисто автоматически, по привычке, как курица с отрубленной головой бегаёт по двору.

Я понурился, — дядины аргументы меня убедили.

ФЕЛИКС И НЕЗРИМЫЙ ИСТОЧНИК

А он продолжал их перечислять, загибая большой палец уже на левой руке:

— В-шестых, мертвецы не разговаривают. Вот ты когда в последний раз беседовал с матерью?

И снова у меня из глаз покатались слезы. При виде моего отчаяния дядя, еще не исчерпавший список своих доводов, не стал продолжать. Он похлопал меня по колену и заключил:

— Вот видишь, Феликс: твоя мать выглядит живой, но на самом деле она мертва.

Тут я уже разрыдался вовсю, дав волю слезам. Прощай, честь семьи! Что ж, тем хуже...

Смириться было трудно, но при этом и утешительно: наконец кто-то разделял горе, мучившее меня уже несколько месяцев; наконец кто-то принял во мне участие и я больше не буду терзаться страхами в одиночестве! Если Мамин брат и прибегал к таким беспощадным словам, то, сказанные вслух, они все-таки пугали меня куда меньше, чем угнездившиеся в моих мыслях. Да, дядя был прав: я потерял Маму, она меня покинула, я жил с незнакомой женщиной. А куда же делась та, что бросила меня? Как мне ее не хватало... Да и живет ли она еще хоть где-нибудь? Между двумя всхлипами я пробормотал:

- А ее... можно вылечить?
- Лечат живых, а не мертвых.
- И как же...
- Что «как же»?

- Как тогда быть?
- Гм...
- Никак?
- Ее нужно воскресить!

И дядя поднялся со стула — высокий, стройный, осанистый, с кожей цвета смолы и гривой цвета сажи. Гибко потянувшись, он подошел к окну, выплюнул наружу табачную жвачку, которую мусолил во рту с самого десерта (ой, хоть бы консержка в эту минуту не мыла во дворе мусорные баки!), и, потирая затылок, втянул ноздрями ночной воздух. Я вспомнил Мамины рассказы о том, что в ее родной деревне этого высокого жилистого силача почитали как отважного воина, бесстрашного и неукротимого защитника слабых в разгар кровавых междоусобиц. Он внушал доверие! Главное, не обращать внимания на его нынешний облик, на повадки гуляки-африканца и любовь к броским нарядам. Вот и сегодня вечером он щеголял в ярко-красных остроносых туфлях из крокодиловой кожи и костюме-тройке канареечного цвета.

Постояв у окна, дядя обернулся ко мне с самым безмятежным видом:

- Ты знаешь кого-нибудь, кто умеет воскрешать мертвых?
- Нет.
- О'кей, — флегматично откликнулся он, — тогда я сам поищу. Где ты держишь справочник?

ФЕЛИКС И НЕЗРИМЫЙ ИСТОЧНИК

— Справо... чего?

— Справочник. Это такая толстая книга с номерами телефонов. Желтая, в которой все люди разделены по профессиям.

— Но... но... такой давно уже нет!

— Ах вот как?

— Теперь все пользуются интернетом.

— О'кей, нет проблем, ну-ка, давай сюда свой компьютер.

Дядина беспечность вывела меня из себя, и я заорал:

— Черт подери, что ты собираешься в нем искать?! Воскресителя мертвых?

В ответ он лишь улыбнулся.

*

За все двенадцать лет, что я знал Маму, в ее характере никогда не проявлялось той черной меланхолии, которая сейчас подавляла все ее чувства. Жизнерадостная, энергичная, любознательная, бодрая, экспансивная, она щебетала своим певучим, звонким и сочным голосом с мягким африканским акцентом, чему-то дивилась, чем-то возмущалась, интересовалась всем на свете и чуть ли не над всем смеялась; она осыпала меня поцелуями — с раннего утра, когда будила, растирая мне спину, и до вечера, когда со вкусом посвящала меня в события прошедшего дня, ибо, по ее словам, «истории нужно всегда рассказывать

Содержание

О цикле Незримого	5
Феликс и Незримый источник <i>Перевод Ирины Волевич</i>	7
Мадам Пьлинска и тайна Шопена <i>Перевод Галины Соловьевой</i>	177
Миларепа <i>Перевод Ирины Дмоховской</i>	261
Что нам приносит буддизм... <i>Интервью Бруно Мецгера с Эриком-Эмманюэлем Шмиттом</i> <i>Перевод Ирины Дмоховской</i>	301

Шмитт Э.-Э.

Ш 73 Феликс и Незримый источник и другие истории : повести / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. И. Волевич, Г. Соловьевой, И. Дмоховской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-22321-9

Эрик-Эмманюэль Шмитт — мировая знаменитость, лауреат Гонкуровской премии и многих других наград. Его роман «Оскар и Розовая Дама» читатели назвали книгой, изменившей их жизнь, наряду с Библией, «Маленьким принцем» и «Тремя мушкетерами». Его романы переведены на 45 языков и во Франции каждый год выходят общим тиражом полмиллиона экземпляров.

Перед вами три повести Шмитта из знаменитого цикла Незримого, посвященного мировым религиям. «Феликс и Незримый источник» раскрывает тайны анимизма, силу верований и удивительно поэтических обрядов Африки, «Мадам Пьлинска и тайна Шопена» дает ключ к пониманию великой силы музыки как универсального языка души, а в повести «Миларепа» ищет и находит путь к просветлению знаменитый тибетский учитель и поэт XI века.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЭРИК-ЭММАНЮЭЛЬ ШМИТТ
ФЕЛИКС
И НЕЗРИМЫЙ ИСТОЧНИК
и другие истории

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.11.2022. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А



Y-MBB-31285-01-R